

ВЕКОВЕЧНОЕ

Фаина Раневская — 1996. — 25 июля — 1 авг. — с. 8-9

Когда на репетиции в руках моего партнера я вижу смятые, слежавшиеся листки — отпечатанную на машинке роль, которую ему не захотелось переписать своей рукой, я понимаю: мы говорим с этим человеком на разных языках. Вы подумаете: мелочь, пустяк, но в пустяке труднее обмануть, чем в крупном. В крупном можно притвориться, на пустяки же, как правило, внимания не тратят.

Партнер для меня все. С талантливыми становлюсь талантливой, с бездарными — бездарной. Никогда не понимала и не пойму, каким образом великие актеры играли с неталантливыми людьми. Кто и что их вдохновляло, когда рядом стоял НЕКТО С ПУСТЫМИ ГЛАЗАМИ.

Моя учительница, П.Л.Вульф, говорила: "Будь благородна в жизни, тогда тебе поверят, если ты будешь играть благородного человека на сцене".

У меня нет интеллигентных знакомых. Любимые умерли. Все говорят одно и то же, всех объединяет быт, даже быта не попадают, да и я, будучи вне быта, никуда не поеду.

И зачем я все это пишу? Себе самой. Смертное одиночество.

Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо — не хочется, писать о себе хорошо — неприлично. Значит, надо молчать. К тому же стала делать ошибки, а это постыдно. Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю, с этой отдачей...

Умерли мои все, ушло все. Боюсь сойти с ума.

Воспитать ребенка можно до 16 лет, — дома! Воспитать режиссера — может и должна библиотека, музей, музыка, среда, — вкус — это тоже талант, вкус — это основа. Отсутствие вкуса — путь к преступлению.

Для некоторых старость особенно тяжела и трагична. Это те, кто остаются Томом и Геки Финном.

У меня хватило ума ГЛУПО прожить жизнь.

Ушедшие профессии: доктор, повар, актеры.

(Платье во время репетиции, запись в тетрадке с ролью): Собачку взяли! и у меня счастливый день! Два года ждала собака хозяина, бросившего ее. Я написала доброй женщине, приручившей собаку, словами Чехова: "Какое наслаждение уважать людей". Дни и ночи она была подле покинутой собаки. Не смеялся!.

Славочка, Слава, Слава! Ты замечал, какой у бездарных апломб? Однажды в молодости я убила в себе червя тщеславия, — я подумала: раз я не обладаю гением Чаплина, гением Шалыгина, — значит, я обычная актриса. И на этом успокоилась. И сейчас в старости веду себя пристойно, без претензий — роль не выпрашиваю, годами их не получаю. Тяжело мне, как королю, которую забыли пододвинуть. Ф.Р. 74-й, 75-й, до конца дней.

и только посредственность остается равнодушной, а иногда даже враждебна таланту.

Горький говорил, "талант — это вера в себя", а по моему, талант — это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой и своими недостатками, чего я никогда не встречала у посредственности.

Ленинград без Ахматовой для меня полбед, не могу себя заставить съездить на ее холмик взглянуть. Зачем?? У меня в ушах ее голос, смех. (...) В Ташкенте она звала меня часто с ней гулять. Мы бродили по рынку, по старому городу. Ей нравился Ташкент, а за мной бежали дети и хором кричали "Муля, не нервничай меня". Это очень надоедало, мешало мне слушать ее. К тому же я остро ненавидела роль, которая дала мне популярность. Я об этом сказала Анне Андреевне: "Сжала руки под темной вуалью..." — это тоже мои "муля", — сказала она. (...) Ахматова чудо. Оценят ли ее потомки? Поймут ли? Узнают ли в ней гения? Нет, наверное.

Не пишу, так как очень люблю ее.

Мне везло на людей в долгой моей жизни, редкостью добрых, редкостью талантливых. Никого из них уже со мной нет. Сейчас моя жизнь — воспоминания об ушедших.

Из писем Э.Гарину и Х.Локшиной (середина 70-х)

Гостиница полна иностранцев. Столетние старушки носят, как угорелые, в ресторане гайды на всех языках, — прислушиваясь к разговорам, понимаю, что нет большего счастья, как обладание одной единственной извилиной в мозгу и большим количеством долларов! За номер я плачу 100 рублей в месяц, суточные не получаю, расходы огромные. И вспоминаю мне рассказ о старом еврее, который сидит на ступеньках вагона, качающегося поезда и кричит: "Боже мой, боже мой, сейчас кондуктор употребляет мою Розочку за то, что пустил нас без билетов, маленьких Монечка напился в продукты, и вообще мы едем не в ту сторону".

В театре небывалый по мощности бардак, даже стыдно на старости лет в нем фигурировать. В городе не бываю, а больше лежу и думаю о том, чем бы мне заняться поистинности. Со своими коллегами встречаюсь по необходимости. Оценят ли ее потомки? Поймут ли? Узнают ли в ней гения? Нет, наверное.

Не пишу, так как очень люблю ее.

Мне везло на людей в долгой моей жизни, редкостью добрых, редкостью талантливых. Никого из них уже со мной нет. Сейчас моя жизнь — воспоминания об ушедших.

Фаина РАНЕВСКАЯ:

“Ненавижу цинизм

(Записи 80-х годов)

Своего рода парадокс, но парадокс объяснимый. Вот она сидит за фортепьяно — вполне уважаемая дама в шляках, взбитой прическе, пенсне и поет: "Почему я не сокол? Почему я не лебедь?" Повторяет музыкальную фразу не раз, не два — долбит и вопрошает так серьезно, что минуты достаточно, чтобы понять — дураха.

А вот она же актриса Фаина Раневская — стоит перед накрытым свадебным столом и буквально буравит грека Дымбу и пьяненького своего мужа злобыми глазами. (Куда девались ее большие глаза?) Жадная, пошлая, наглая, отравленная, но все равно восхищенного взгляда оторвать от нее не можешь. (И от Абдулова, Грибова тоже не можешь — таких блистательных эпизодов в нашем кино раз-два и обчелся).

Фаина Георгиевна сердилась — играла, слыша за сценой восторженный шепот: "Муля, не нервничай меня!" Фильм бог знает когда сошел с экрана, но реплики живет, стала расхожей и звучит то здесь, то там применительно к случаю. Отчего звучит? Оттого, что принадлежит она Раневской. Не героине Раневской, а ей самой и убедить публику в обратном вряд ли возможно.

В ее ролях, во-первых, равно "положительных" и "отрицательных" зрители прежде всего видят ее самое. Ее ум, позволяющий разглядеть в людях скрытое от других; юмор, придающий особую окраску ее голосу, поведению и неповторимое лукавство ее взгляду; но главное, что чувствуют все и что она не прячет (или не может спрятать?) это ее сердце.

Насмешливая, пронзительная, порой резкая, она была добра той высшей добротой, в основе которой — понимание. Она знала: жизнь редко бывает справедливой, редко дарит людям полноту счастья, она сложна и необходимо мужество, чтобы прожить ее достойно. В тех последних ролях, которые ей довелось сыграть — в "Странной миссис Сэвидж", "Дальше — тишина" и в дальней, которые меньше знают — в "Лисичках", в гениальной "Мечте" — ее чувствования, ее прозрения — пронзительны и бесконечно искренни.

Своих зрителей она не обманывала.

Сегодняшняя публикация это подтверждает.

27 июля - 100 лет со дня рождения Фаины Георгиевны Раневской.

Сняли на телевидении. Я в ужасе: хлопочу мордой. Надо теперь учиться заново, как не надо.

Увидела на балконе воробья, — клевал печенье. Стало нравиться жить на свете. Глупо это.

Перечитываю Толстого, — чтоб уметь — перечитываю Толстого, — это осмысливает мою жизнь теперь. Так он мне дорог, так понятен. Как жалею его — моего Бога. И С.А. тоже жалко, жалко иначе, — но очень жалко.

Зимой, когда могилы их покрыты снегом, еще больнее, еще нетерпимей, все там. Сейчас ночь, ветер и такое одиночество.

Когда я слышу "приглашение" "приходиться" — мне хочется плакать.

Я вообще заметила, что талант всегда тянется к таланту,

Почему-то руководство и администрация этого академического театра актеры, вместо того, чтобы продавать седелки.

Море меня никогда не волновало.

ВЕКОВЕЧНОЕ

ло, хотя родилась у моря. А лес люблю, дерево могу полюбить, как живого человека, — деревья — мыслители.

Из беседы с В.Ардмадским. "Она родилась в очень богатой семье, настолько богатой, что в 1917 году семья эмигрировала на собственном пароходе".

Ради Бога, не подумайте, что я тогда исповедовала революционные убеждения. Боже упаси. Просто я была из тех восторженных девиц, которые на вечерах с побледившими лицами декламировали горьковского "Буревестника" и любил повторять слова нашего земляка Чехова, что наступил вечер, когда придет красная жизнь, красивая, и люди в ней тоже будут красивыми. И тогда мы дурачились, что эта красивая жизнь наступит уже завтра. Господи, мать рыдает, а рыдаю, мучительно больно, страшно, но своего решения я изменить не могла, я и тогда была страшно самолюбива и упряма. (...) И вот моя самостоятельная жизнь началась.

Боже, какое это было страшное и неповторимо красивое время. Красные приближались, по ночам в городе слышалась стрельба, а мы в полупустом театре играли какие-то неслезные водевилы. И был свирепый голод... Мой подруга на сцене упала в годный обморок. (...) Однажды за кулисы к нам пришел грозный усталый комиссар. Он поблагодарил нас за работу для красноармейцев и вдруг спросил: не можем ли мы сыграть для

копейки, без тревоги и стыда, он вообще не актер, а ремесленник, постигший приемы обмана публики, — но обмануть себя при этом, — это уже катастрофа". — Милый Василий Иванович, вот как поздно я благодарю Вас за тот высокий урок.

Я как обычно пришла в театр за три часа до занавеса. Сажусь себе, сосредоточиваюсь. Вдруг слышу оживленный разговор двух актрис в соседней комнате. Знаете, о чем они говорили? О том, что есть какой-то Борис Борисович, который может достать дубленку по умеренной цене, но что рискованно давать ему деньги вперед. Я не выдержала, заглянула в их комнату: "Как можно перед выходом на сцену обсуждать проблему дубленки?" Они, пожалуй, моему вопросу удивились. "Фаина Георгиевна, да что Вы? Жизнь есть жизнь". "А театр это храм!" — крикнула я. Почти уверена, что они потом говорили о том, что Раневская, видать, совсем выжила из ума. Но ведь их же учили актерскому мастерству, и неужели никто не объяснил им, что такое творческая дисциплина и самодисциплина актера? Вот сейчас теперь и думаю, как возможно, почему возможно такое.

Вообще я не умею и не люблю давать интервью. У меня всегда такое ощущение, что корреспонденты задают мне вопросы такого типа: скажите, товарищ Раневская, сколько будет дважды два? И мне хочется ответить:

что моя спекулянтка такой же враг революции, как и все другие действующие в спектакле враги. "Все дело в акценте", — холодно обронила Ю.А. Я вдруг лянула:

за три часа до занавеса. Сажусь себе, сосредоточиваюсь. Вдруг слышу оживленный разговор двух актрис в соседней комнате. Знаете, о чем они говорили? О том, что есть какой-то Борис Борисович, который может достать дубленку по умеренной цене, но что рискованно давать ему деньги вперед. Я не выдержала, заглянула в их комнату: "Как можно перед выходом на сцену обсуждать проблему дубленки?" Они, пожалуй, моему вопросу удивились. "Фаина Георгиевна, да что Вы? Жизнь есть жизнь". "А театр это храм!" — крикнула я. Почти уверена, что они потом говорили о том, что Раневская, видать, совсем выжила из ума. Но ведь их же учили актерскому мастерству, и неужели никто не объяснил им, что такое творческая дисциплина и самодисциплина актера? Вот сейчас теперь и думаю, как возможно, почему возможно такое.

за его общедоступность”

них что-нибудь из классики? Через несколько дней мы сыграли чеховскую "Чайку". Нетрудно предположить, что это был за спектакль по качеству исполнения, но я такого тихого зала до того не знала, а после окончания зал кричал "ура". (...) После к нам за кулисы снова пришел комиссар, он объявил: "Товарищи артисты, наши комдивы в знак благодарности вам и с призывом продолжать ваше святое дело приказал выдать вам красноармейский паек".

Свое по театрам исходило в 20, 30-е годы, была я тогда молодой провинциальной актрисой, которой судьба подарила Москву в пору буйного расцвета театров. Каждый свободный вечер — в театре. Моя унылая носатая физиономия вписывалась в окошечко какого-то театрального администратора, и я печально констатировала, глядя в глаза: "Извините меня, пожалуйста, я прочла он глухим, совсем не своим голосом. — Сегодня я читал невнятное плохо, бархатился на поверхности толстовского текста, а погружаться в его глубину не мог. А так все было как всегда: напряженно внимающий зал, аплодисменты и у служебного входа поклонники просят автограф, но я пробежал мимо них, не поднимая глаз, как последний обманщик." — "Не верю, что вы можете играть плохо". Он печально и сердито взглянул на меня: "Несерьезный, непрофессиональный комплимент, сударыня. У каждого, даже у злого опытного актера бывает — вдруг сыграет роль плохо, но если после этого уйдет со сцены спо-

пояснила, что в этих театрах я играла в разное время. Качалов рассмеялся: "Падно, артистка прех театров, в субботу приходите к театру, я добуду вам контрамарку. Пойдет "Вишневого сада". Надо ли говорить, что в субботу я заняла пост у служебного входа в театр еще в обеденное время. (...) Однажды я увидела с К. сразу после спектакля "Воскресение", где он блистательно исполнял роль "от автора". Он был мрачен... "Я сгораю от стыда, — начал он глухим, совсем не своим голосом. — Сегодня я читал невнятное плохо, бархатился на поверхности толстовского текста, а погружаться в его глубину не мог. А так все было как всегда: напряженно внимающий зал, аплодисменты и у служебного входа поклонники просят автограф, но я пробежал мимо них, не поднимая глаз, как последний обманщик." — "Не верю, что вы можете играть плохо". Он печально и сердито взглянул на меня: "Несерьезный, непрофессиональный комплимент, сударыня. У каждого, даже у злого опытного актера бывает — вдруг сыграет роль плохо, но если после этого уйдет со сцены спо-

будет пять. Я же Раневская, и корреспонденты, я думаю, ждут от меня какой-нибудь хохмы.

пояснила, что в этих театрах я играла в разное время. Качалов рассмеялся: "Падно, артистка прех театров, в субботу приходите к театру, я добуду вам контрамарку. Пойдет "Вишневого сада". Надо ли говорить, что в субботу я заняла пост у служебного входа в театр еще в обеденное время. (...) Однажды я увидела с К. сразу после спектакля "Воскресение", где он блистательно исполнял роль "от автора". Он был мрачен... "Я сгораю от стыда, — начал он глухим, совсем не своим голосом. — Сегодня я читал невнятное плохо, бархатился на поверхности толстовского текста, а погружаться в его глубину не мог. А так все было как всегда: напряженно внимающий зал, аплодисменты и у служебного входа поклонники просят автограф, но я пробежал мимо них, не поднимая глаз, как последний обманщик." — "Не верю, что вы можете играть плохо". Он печально и сердито взглянул на меня: "Несерьезный, непрофессиональный комплимент, сударыня. У каждого, даже у злого опытного актера бывает — вдруг сыграет роль плохо, но если после этого уйдет со сцены спо-

"Шторм", Завадский решил роль спекулянтки издать. Я спросила у него, почему. Он как-то странно улыбнулся и ответил: "Это вызвано и вами. Вы слишком хорошо играете свою роль спекулянтки, и от этого она запоминается чуть ли не как главная фигура спектакля. А пьеса и спектакль о чем-то гораздо большем, и в этом большем дивергенте со спекулянткой становится чудовище." Я позволила не согласиться и начала бормотать,

"Если нужна для дела, я буду играть свою роль хуже". Завадский весь порозовел и сказал: "Вы провоцируете меня на заведомо глупый разговор, я считаю за лучшее закончить его своим молчанием. Но и Вас, Фаина Георгиевна, я просил бы завершить эту историю молчанием. Я же знаю Ваши язык".

Письмо Раневской от Любови Орловой (на нем надпись Ф.Г. "Недолго до смерти").

Какая радость мне доставила Ваша телеграмма! Сколько нежных, ласковых слов! Спасибо, спасибо Вам!

Я заплакала (это бывает со мной очень редко). Ко мне пришел мой лечащий врач, спросил "что с Вами?". Я ему прочла Вашу телеграмму и испытала гордость от подписи РАНЕВСКАЯ и что мы дружим сорок лет, и что Вы моя фея. Доктор смотрел Вас в "Тишине" и до сих пор не может забыть. Спросил, какую Вы готовите новую роль? И мне было так стыдно и больно ответить, что нет у Вас никакой новой роли. Как же так, он говорит, — "такая актриса, такая актриса!" Вот Вы говорите, и у Вас нет новой роли. Как же так?

Я подумала, нашему руководству неважно, будем мы играть или нет новые роли. (...) Когда он ушел, я долго думала, как подо и возмутительно сложилась наша творческая жизнь в театре. Ведь Вы и я выпрашивали те роли, которые кормят театр. Ваша "Тишина", Ваша "Сэвидж", которую Вы мне подарили...

Мы неправильно себя вели. Нам надо было орать, скандалить, жаловаться в министерство (...) Но... у нас не тот характер. Достоинство не позволяет. Я поправлялась, но играть особого желания нет. Я вся исколота. (...) Я преклоняюсь перед Вашим мужеством и терпением. Ведь Вас каждый день колот!

Моя дорогая, любимая фея!

Это письмо мне очень захотелось Вам написать.

Я нежно Вас целую, обнимаю, очень люблю. Всегда Ваша Люба Орлова.

Из архивов ЦГАЛИ.

● Фаина Раневская в ролях и жизни.